

МИХАИЛ СПАРТАКОВИЧ ТЕЙКИН

аспирант кафедры русской филологии и журналистики
филологического факультета
Северо-Восточный государственный университет (Магадан,
Российская Федерация)
teikin-ms@mail.ru

ЭТНОНИМ КАМЧАДАЛ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Этноним *камчадал* в современном смысле слова обозначает так называемый «новый» народ, ранняя история которого простирается не далее XVIII века. Камчадалы возникли в результате смешения русских первопоселенцев на Камчатке с местным населением – ительменами, коряками, эвенями. В более ранние эпохи камчадалами назывались ительмены – древние жители полуострова; два данных термина были в то время абсолютными синонимами в русском языке. По мере усиления процессов обрусения среди части населения Северо-Востока и возникновения особых групп людей, отличающихся от «чистых» туземцев, возникла объективная необходимость различать этнонимы. В результате название *ительмены* сохранилось за теми, кто не утратил ительменский язык и культуру; название *камчадалы* закрепилось за русскоязычными жителями, в том числе проживающими вне пределов Камчатского полуострова. В статье рассматривается процесс изменения значения этнонима *камчадал*, его место в письменной и устной речи Северо-Востока России в XX веке и сегодня, отличие от катойконима. Приводятся этимологические версии происхождения слова, существующие на сегодняшний день. Этноним *камчадал* рассматривается в качестве регионализма, поскольку имеет широкое хождение в местах проживания камчадалов, но мало известен вне пределов Дальнего Востока.

Ключевые слова: камчадал, ительмен, этноним, катойконим, регионализм (лингвистика), Северо-Восток России, Камчатка

Для цитирования: Тейкин М. С. Этноним *камчадал* в лингвистическом пространстве Северо-Востока России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 104–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.394

ВВЕДЕНИЕ

Семантика лексемы *камчадал* на протяжении веков не была неизменной, что само по себе представляет интерес для изучения. В XVIII и XIX столетиях камчадалами называли ительменов. Как считает И. И. Огрызко, такое имя связано с названием реки Камчатки, где ительмены жили [8: 28], хотя данная позиция разделяется не всеми учеными, даже в XVIII веке она не считалась единственно верной, о чем речь пойдет ниже. С. П. Крашенинников верно указывает, что

«...мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей <...>. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы покоряцки, ибо Камчадалъ отъ коряцкаго Хончала происходить <...>»¹.

При этом целую главу своего фундаментального труда ученый красноречиво назвал «О произхождении звания Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ² только догадкамъ». С. П. Крашенинников отвергает версию об именовании ительменов камчадалами по реке Камчатке. Он утверждает, что

«Хончало [такъ коряки именовали ительменовъ] <...> есть испорченное слово изъ *Коочь-ай*³, что значитъ жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течетъ въ Камчатку и Коочъ называется <...>»⁴.

В. В. Леонтьев предлагает несколько версий этимологии лексемы *Камчатка* и излагает их в отдельной статье, а затем повторяет в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР». За обычай ительменских женщин носить парики, подмеченный С. П. Крашенинниковым⁵, чукчи могли назвать ительменов *камчатявтыльыт* (чукот.), *камчалав'тыл'у* (коряк.), что значит 'лохматоголовые, кудрявые, косматые'. Отсюда могли возникнуть сокращения *камчалыт* (чукот.), *камчалг'у* (коряк.), услышанные русскими. Эти слова весьма сходны с приводимым С. П. Крашенинниковым словом *хончало*. Излагается одна из версий В. И. Воскобойникова о происхождении названия *Камчатка* от ительменского слова *камчалу* 'мыс' или 'полуостров'. Сам же Леонтьев отклоняет данную концепцию, указывая, что такая этимология ничем не подкреплена и у народов Северо-Востока не было слова *полуостров*. Версия Б. П. Полевого о происхождении топонима *Камчатка* от фамилии казака Ивана Камчатного отвергается, поскольку местные жители не могли назвать именем пришлого человека ни реку Камчатку, ни полуостров. Этимология, предположительно восходящая к якутскому *Камчѣккытан* 'куращаяся, вздыбленная, подверженная встряскам земля', также подвергается сомнению. Скорее всего, предполагает В. В. Леонтьев, в основу

топонима *Камчатка* лег этноним *камчалъо*, поскольку так коряки могли назвать ительменов за парики, прибавив к основе суффикс *-лъо*, обозначающий жителя курящейся вулканической местности [6: 193–196, 198–199], [7: 174–176, 178]. А. А. Бурькин считает, что слово *хончало* воспроизводит корякское *к'ончалг'о* 'живущие на расстоянии одного перехода'. По-чукотски то же слово будет *к'ончалыт*, которым называют канчаланских чукчей. Этноним *камчадалы* ученый выводит из корякского *к'унчычэлг'о*, *к'онтылялг'о* (по-чукотски *к'унчычельыт*, *к'онтыляльыт*) 'живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки', а топоним *Камчатка* – из корякской формы направительного падежа *к'ончайтын'* и соответствующей чукотской формы дательно-направительного падежа *к'ончагты* 'на одну кочевку, на расстояние одного перехода' [1: 92]. Трудно сказать, чья версия – В. В. Леонтьева или А. А. Бурькина – является истинной, поскольку на сегодня больших доказательств в пользу того или другого варианта не представлено. Обе версии выглядят правдоподобно и, пока одна из них не опровергнута, имеют право на существование.

Синонимичность этнонимов *ительмен* и *камчадал* в XVIII веке находит свое подтверждение в фундаментальном «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ» Иоганна Готлиба (Ивана Ивановича) Георги. Творение сие, написанное на немецком, «въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ исправленное и въ новѣ сочиненное», что говорит о значительной его переработке при подготовке русского текста, а значит, приближает его к оригинальному произведению, что увеличивает ценность представленной в тексте терминологии. И. Г. Георги пишет:

«Камчадалы называются сами *Ительменнами*⁶, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной ея сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Кончата*, жившаго при оной»⁷.

Таким образом, И. Г. Георги этнониму *ительмен* придавал значение 'житель'; такое самоназвание встречается у различных народов. С. П. Крашенинников, сам употребляя этноним *камчадалы*, делает важное уточнение:

«Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе происходитъ отъ глагола *Ителехса* живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ»⁸.

Действительно, Г.-В. Стеллер написал: «Племена, обитающие между Лопаткою и Тигилем, называютъ себя ительменами» [14: 24], однако ниже он указывает, что ему не удалось установить значение и происхождение названия «ительмен» [14: 145]. В «Истории и культуре ительменов» под общей редакцией академика А. И. Крушанова указывается, что самоназвание *ительмен* – производное от *итэнмэн* 'живущий' [5: 3]. Разумеется, именование ительменов камчадалами могло быть вполне приемлемым

и не допускать никакой путаницы, если бы не появление на Камчатке и в близлежащих областях групп смешанного происхождения, в конечном итоге объединенных под названием *камчадалы* – по названию места обитания. Современные камчадалы – не ительмены, а потомки русских переселенцев и туземцев, сформировавших самостоятельный народ. Постепенно происходила дифференциация двух этнонимов. Этнонимы *ительмен* и *камчадал*, между которыми в XVIII веке ставился знак равенства, на протяжении XIX столетия переосмысливаются. О. А. Глуценко верно замечает:

«<...> камчадалами в XVIII–XIX вв. все чаще именуется обрусевших ительменов долины реки Камчатки и потомков русских старожилов Камчатки, а ительменами – аборигенов западного побережья Камчатки, длительное время сохранявших ительменский язык и некоторые архаические черты в материальной культуре» [2: 109].

Правда, точное значение этнонимов не было утверждено и семантически разграничено на официальном уровне. Во-первых, не всегда можно было дифференцировать «чистых» ительменов от «смешанных» камчадалов; во-вторых, сами потомки русских и туземцев долгое время называли себя различно. Особенно это было характерно для обитающих не на Камчатском полуострове или в местностях, не относящихся к Камчатской области (в границах до 1909 года). Как правило, смешанное население именovalo себя по месту проживания (гижигинцы, тауйцы, марковцы и проч.).

С начала XIX века камчадалами стали называть не только ительменов, но и потомков русских с туземцами – по мере нарастания их численности и ассимиляции значительной части собственно ительменов. По словам Е. П. Орловой, термин *камчадал* «потерял свое первоначальное значение и приобрел иное, территориальное, широкое» [9: 7].

Распространение этнонима, обозначающего народ, на недавно образованную этническую группу объясняется следующими причинами. Во-первых, значительное число ительменов в результате длительных контактов с русскими утратило свой язык и перешло на русский. Во-вторых, именно с ительменами в первую очередь смешивались русские на Камчатке; в чуть меньшей степени в формировании камчадалов участвовали коряки, эвены и юкагиры. Поскольку ительмены назывались часто камчадалами, потомки русских и туземцев – жители Камчатки – стали именоваться камчадалами ввиду этимологической связи этнонима с топонимом.

Следует заметить, что значение словосочетания *житель Камчатки* не содержит этнической составляющей и может обозначать как человека, относящегося к туземному народу или метисной группе, так и русского по национальности. При этом иногда термин *камчадал* выступает не как

этноним, а катойконим, что представляется некорректным. Впрочем, данная неточность встречается чаще всего в устной речи, а также в ненаучной литературе. Катойконим не несет в себе этнической маркировки, а обозначает лишь место обитания – город, село или область. Правильное именование жителей Камчатки – *камчатцы*.

При проведении Приполярной переписи 1926–1927 годов ительменами стали официально считать коренных жителей, не забывших свой язык и некоторые черты материальной и духовной культуры предков. Этноним *ительмены* был сохранен лишь за обитателями западной части Камчатки [8: 28]. Как отмечает Л. Н. Хаховская, в научной литературе шел процесс дифференциации терминов – название *камчадалы* постепенно стало закрепляться за обрусевшими ительменами долины реки Камчатка, а название *ительмены* – лишь за теми обитателями полуострова, которые сохранили свой родной язык и некоторые архаические черты быта [18: 159].

Б. К. Подгурский пишет в связи с именовании жителей края:

«Коренное население Камчатки – Коряки, называемые Камчадалами (от слова “Кончалю”, какъ они себя называютъ). <...> Теперь они совершенно обрусѣли, хотя сохранили нѣкоторые изъ своихъ старинныхъ вѣрованій и обрядовъ; внутри полуострова часто можно встрѣтить обрядъ шаманства, очень схожій съ таковымъ же у Чукчей. Но такіе старинные обычаи сохранились лишь въ сѣверной Камчаткѣ <...>. Въ Петропавловскѣ Камчадалами называютъ именно такое полурусское коренное населеніе, почти ничего общаго уже съ исконными Коряками не имѣющее <...>»⁹.

Действительно, преимущественным местом обитания коряков и сегодня является именно северная часть полуострова. Что же касается происхождения камчадалов, то они образовались путем смешения русских не только с коряками, но и ительменами, а также эвенками и – в меньшей степени – иными народами. Любопытный факт: Подгурский замечает, что коряков называли камчадалами. Это можно объяснить тем, что в камчадалы, как в смешанное население, могли включаться оседлые русскоговорящие жители. Подтверждение тому есть у А. А. Ресина, упоминающего о двух деревнях оседлых коряков, по официальным сведениям считающихся камчадалами¹⁰. Возможно, камчадалами названа группа, предки которой могли быть отнесены к корякам, но потомки обрусели. Ниже тот же автор приводит любопытные слова, подтверждающие использование различных этнонимов для одной этнической группы: «Камчадалы (собственно это коряки) <...> но, впрочем, по-русски они вообще говорили немного»¹¹.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭТНОНИМА КАМЧАДАЛ

Не имея подходящего этнонима, исследователи порой использовали термин *обруселые инородцы*; он достаточным образом отражал этническую принадлежность людей, но не мог по-

служить в качестве наименования народа. Такой термин неоднократно встречается у Н. Л. Гондаты в статье «Оседлое население реки Анадыря»¹². Иногда автор уточняет происхождение обруселых жителей и тогда слово *инородцы* заменяет, в зависимости от контекста, на *чуванцы*, *юкагиры*, *ламуты*, *чукчи*. Единого обозначения для всего обруселого населения Чукотки и Охотского побережья еще не было, поскольку проходил процесс стирания старой идентичности, а для новой еще не было подобрано подходящего имени, под которым могли бы объединиться в один народ разные по происхождению группы.

В настоящее время, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, ительмены проживают преимущественно на западе Камчатского края, в меньшей степени на юге; кроме того, зафиксированы ительмены на востоке Магаданской области, а также в Ольском районе. Следует оговорить, что фиксация значительного процента ительменов в Магаданской области должна восприниматься критически: есть сомнения в этнической принадлежности всех означенных переписью ительменами, хотя определенное число указавших ительменскую национальность, возможно, относится к ней. Кроме того, следует считать ительменами тех, кто по своему ощущению относит себя к данному народу, а не был по ошибке записан в ительмены вместо камчадалов, когда последние почти не признавались за особый народ и власти всех старались записать в «правильную» национальность.

Значительную роль в распространении этнонима *камчадал* за пределы полуострова сыграло административно-территориальное деление. В 1909 году была в третий раз образована Камчатская область¹³, в состав которой вошли Гижигинский и Охотский уезды. В результате административной реформы управление большей частью Охотского побережья перешло в Петропавловск-Камчатский. Вслед за включением новых территорий в подчинение города на Камчатке произошло распространение термина *камчадал* на местных жителей со смешанным происхождением; слово, имеющее давнюю традицию употребления на полуострове, вошло в практику на новых территориях. Отмечены случаи, когда эвены северо-восточного Охотского побережья называли себя камчадалами, в частности в поселках Армань и Ола [10: 12], а также тауйцы – потомки русских и якутов [10: 9]. Часть территории современной Магаданской области управлялась из Петропавловска-Камчатского до 1926 года, часть – до 1953-го. В. А. Туголуков делает в связи с этим логичное заключение:

«К ительменам местные камчадалы не имели никакого отношения и назывались так исключительно потому, что некогда эта прибрежная часть Магаданской области (к северу от Магадана) входила в состав Камчатской области» [15: 133–134].

Именно благодаря внешнему фактору исключительно административного характера начала

постепенно кристаллизоваться внутренняя сущность этнической идентичности смешанного населения, следствием которой стало закрепление для него общего этнонима *камчадал*. С течением времени это не могло не привести к осознанию себя разбросанными на большом пространстве группами как самобытного народа. Однако, по справедливому замечанию Л. Н. Хаховской, именно деятельность советской власти запустила механизм этнической идентификации: люди, по сословным признакам относившиеся к инородцам, но различного происхождения, официально смогли объединиться в одну этническую группу камчадалов. Исследовательница приводит любопытную деталь: оказывается, в первые годы советской власти была попытка ввести в употребление для метисированного населения термин *креол* [18: 160], ранее не имевший хождения в евразийской части России – к западу от Берингова пролива¹⁴. Креолы были упомянуты в перечне туземцев во «Временном положении об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области», утвержденном 26 сентября 1924 года Дальневосточным революционным комитетом. Очевидно, что попытка введения нового этнонима была явно неудачной ввиду полной чуждости местному населению, и сохранилось прежнее название – *камчадал*.

Современные камчадалы – народ смешанного этнического происхождения, возникший в результате экзогамных браков русских мужчин с представительницами местных народов, причиной которых в большинстве случаев было отсутствие русских женщин. Родным языком камчадалов всегда был русский, в прошлом имевший свои особенности.

А. А. Сирина замечает: «Этноним “камчадалы” образован от названия территории» [13: 90]. Действительно, название полуострова Камчатка дало имя народу: сначала – ительменам, затем – современным камчадалам.

В 1920-е годы зафиксировано написание этнонима в архивных источниках как *камчидал*, *камчедал* [11: 13]. Данные записи – в особенности первый вариант – следует считать орфографическими неточностями, наиболее вероятное объяснение которым – запись слова согласно произношению писавшего [камч'е"дál]; такая орфоэпия является частью литературной нормы русского языка. В то время на Северо-Востоке, крайне малозаселенном и не имевшем в достаточном количестве средних учебных заведений, грамотность не могла быть на высоком уровне, поэтому в документах делопроизводства государственного учреждения не могли не встречаться черты, свойственные письменной речи малограмотных. Во всяком случае, представленные выше варианты написания этнонима противоречат встречающейся в книгах с XVIII столетия форме *камчадал*; так пишут, например, Крашенинников,

Георги, Крузенштерн. Тройное написание слова не встречается в печатных письменных источниках прошлых эпох.

В отличие от других малочисленных народов Северо-Востока, камчадалов в целом не коснулась волна смены этнонимов довоенного периода (например: тунгусов – в эвенков, ламутов – в эвенов, чукчей – в луораветланов; имя *луораветлан*, в отличие от двух других, не прижилось). Причиной этому было то обстоятельство, что сам этноним *камчадал* приобрел «новое» наполнение. Еще до революции 1917 года ительмены и камчадалы разграничились, хотя путаница в названиях по-прежнему имела место. Те, кто сегодня именуется камчадалами, в начале XX столетия часто выступали под локально-территориальными названиями, образованными по месту жительства и по сословному признаку [18: 159], что не отражало национальной принадлежности. Однако предпринимались попытки провести границу между двумя этническими группами. Вышеупомянутое «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области» приводит перечень туземцев: тунгусы, креолы, чуванцы, камчадалы, эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры. Представляется наиболее вероятным, что камчадалами (по старой традиции) названы ительмены – народ, преимущественно проживающий на Камчатке, а креолами – метисные потомки русских и местного населения. Однако этноним *креол* не прижился и в дальнейшем употребление не вошел.

В 1920-е годы в официальных документах закрепился этноним *камчадал* в отношении жителей смешанного происхождения, он объединил их и отразил важнейшие черты в сравнении с остальными малочисленными народами, а именно: оседлость как образ жизни и русский язык как средство общения.

Важно отметить: именно наплыв русского населения в первой трети XX века усилил формирование камчадальской идентичности, укрепил ее. До того не было особой необходимости осознавать свое единство: метисированные потомки русских и северо-восточных народов и без того разительно отличались по языку и культуре от местного нерусского населения.

К. В. Дитмар в середине XIX века описал население Гижиги:

«При нашем посѣщеніи въ Ижигинскѣ было 233 души мужскаго пола – въ томъ числѣ 50 казаковъ – и 242 – женскаго. Меньшинство этого народа было еще чисто-русскаго происхожденія, и это относится, главнымъ образомъ, къ торговому люду. Большая часть, какъ почти всѣ казачьи семьи, представляла помѣсь, возникшую отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ съ туземцами. Чистая русская рѣчь слышалась не часто; напротивъ, языкъ пересыпанъ чуждыми словами и оборотами и искаженъ инороднымъ выговоромъ»¹⁵.

Жители Гижиги должны были называть себя особым именем, отличающим их от русских. Это

объяснялось как антропологическими причинами – смешением с туземцами, так и лингвистическими – обилием иноязычных вкраплений в русский язык и его видоизменением. В связи с этим примечательной выглядит следующая заметка С. Л. Бацевича (оставленная через шестьдесят с небольшим лет после описания К. В. Дитмара):

«Они сами считают русскими только *приѣзжихъ*, прибывшихъ изъ Россіи, про себя же говорятъ, что мы не русскіе, а *гижигинцы*»⁶.

При этом не было и полной ассимиляции. И. С. Гурвич пишет в связи с данным фактом:

«Однако *гижигинцы* не отождествляли себя и с коренным населением. Русский язык, ряд исконных особенностей быта выделяли их из среды береговых *коряков* и *эвенов*» [3: 205–206].

Л. Н. Хаховская замечает:

«Метисированные русскоязычные старожилы, как правило, носили либо “инородческие названия”, либо локальные имена, связанные с местом жительства» [16: 248].

При промышленном освоении Северо-Востока, начавшемся в первой трети XX века, регион значительно пополнился приезжими русскими. Данная ситуация подтолкнула к обострению осознания камчадалами своей самости, в первую очередь на фоне противопоставления себя русским, с которыми при общности языка были антропологические и культурные отличия. Это подстегнуло метисированное население к принятию им названия *камчадал*; одним этнонимом стали называться локальные группы, до того именовавшиеся преимущественно по месту жительства (*гижигинцы*, *тауйцы* и т. п.).

Л. Н. Хаховская отмечает особенность самоназваний камчадалов, определяя их как микроэтнонимы (названия, обозначающие небольшие группы; то же, что местные, региональные этнонимы):

«Весьма значимым оказалось восприятие себя и своих соседей по названию поселения. Так возникли географические апеллятивы, выраженные в форме отыменных прилагательных: *ольские*, *арманские*, *ямские*, *тауйские*, *гижигинские*» [19: 29].

Такие микроэтнонимы сохранялись, но главной их особенностью была невозможность обозначить целый народ. Термин *камчадал* подходил для этого лучшим образом, поскольку объединял разрозненные группы, тем более что они проживали в одной административной единице – Камчатской области, названной так по полуострову, давшему имя народу.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОНИМА

Этноним *камчадал* является регионализмом – одной из лексем «локально ограниченного распространения, независимо от источника их происхождения и отнесенности к литературному языку» [12: 88]. Слово хорошо известно на Камчатке, чуть в меньшей степени – на Северо-

Востоке, но за пределами территории расселения камчадалов с ним мало знакомо большинство носителей русского языка. На ограниченность распространения этнонима влияет малочисленность народа: в местах компактного проживания камчадалов происходят постоянные контакты данного народа с другими носителями русского языка, поэтому этноним не может не встречаться в устной и письменной речи региона. На ограниченность распространения слова долгое время влияли «отрицание» камчадалов в качестве отдельного народа и частое отождествление камчадалов с русскими. Именно этим объясняется смешение этнонима *камчадал* и катойконима *камчатец*, встречающееся в устной речи до сего дня. Несмотря на этнические различия, камчадалы стоят ближе к русским, нежели иные народы Северо-Востока, полностью относящиеся к монголоидной расе. Это способствовало относительной легкости заключения русско-камчадалских браков начиная со второй трети XX века. Растет и число камчадало-эвенских браков, поскольку эвены постепенно переходили к оседлому образу жизни. По данным, указанным Л. Х. Хаховской, в селе Гижига во второй половине 1960-х годов насчитывалось 207 камчадалов и 58 камчадалских семей, из которых 31 была этнически смешанная [16: 59]. Численность русских в результате экономических преобразований, развившихся в интенсивном промышленном развитии Северо-Востока, стала преобладающей. В доле межэтнических браков камчадалов преобладали русско-камчадалские. Л. Н. Хаховская замечает:

«Именно в процессе активного смешения с приезжими различных национальностей и заключается причина частичной утраты этнической идентичности, поскольку камчадалы, входящие в такие семьи, и особенно их потомки, зачастую начинали относить себя к русским» [16: 60].

Такая частичная утрата идентичности способствовала уменьшению численности камчадалов и снижению частоты использования этнонима *камчадал*. Последнее не замедлило сказаться на официальном уровне. По замечанию А. А. Сириной,

«[в Магаданской области в] 1970-е годы (а для Камчатки еще раньше) эта национальность была отменена, а сами камчадалы “изъяты” из списка народов СССР. Таким образом, со второй половины XX в. камчадалы стали рассматриваться как этнографическая группа русских старожилов региона» [13: 90].

«Словарь современного русского литературного языка» (БАС) в качестве этнонимического определения слова *камчадалы* указывает (на 1956 год): «Название, данное первыми русскими поселенцами части коренного населения Камчатки; то же, что *ительмены*; ительмены описываются так: «Северная народность, живущая на западном берегу Камчатки; камчадалы»¹⁷. Похожее значение приводится во втором томе

второго издания «Словаря русского языка» (МАС), вышедшего в 1983 году: «Употреблявшееся в 18 в. название коренного населения Камчатки – ительменов»¹⁸. «Большой толковый словарь русского языка», изданный в новую эпоху, слово в слово повторяет определение, данное в МАС¹⁹. Налицо по меньшей мере неупоминание камчадалов в качестве особого народа и полное отождествление по значению слов *камчадалы* и *ительмены*, что было свойственно для XVIII века. Можно также сделать вывод о том, что лексема *камчадал* в то время носила и сегодня носит региональный характер: представлено историческое значение, широко известное науке, но отсутствует более новое. Регионализмы могут не попадать в словари литературного языка.

Во Всесоюзных переписях населения 1970, 1979 и 1989 годов камчадалы не упоминаются. Это способствовало вытеснению этнонима из активного употребления в литературной речи. Разумеется, свою роль сыграло этническое смешение с русскими и другими народами, но основная причина, разумеется, не в этом. Очевидно, власти посчитали нецелесообразным учитывать отдельный народ, поскольку он был недавнего (по историческим меркам) и смешанного происхождения. Камчадалы записывались или русскими (по языку), или эвенями (как результат браков с ними), или ительменами (ранее также называвшимися камчадалами). Следует отметить, что камчадалы не были здесь исключением: в частности, советская власть долгое время считала ненужным выделять ижорцев и водь, относящихся к финно-угорской группе народов, проживающих на Северо-Западе России.

Со второй половины XX столетия начался процесс размывания границ этнической группы камчадалов. В большей степени на это влиял наплыв приезжего населения и переход кочевников к оседлому образу жизни, в результате чего усилился процесс смешения и растворения камчадалов в численно превосходящих народах. Данные процессы способствовали вытеснению этнонима *камчадал* из активного употребления, термин «регионализировался» все в большей степени, причем на официальном уровне – с тенденцией перехода в историческую терминологию, как прежнее название ительменов, что далеко не полностью соответствовало действительности. Данное обстоятельство подтверждается исследовательницей камчадалов Л. Н. Хаховской:

«Со второй половины 1980-х гг. этническая идентификация камчадалов осуществлялась в законодательном и процессуальном пространстве, обозначенном органами государственной власти. В этом пространстве не оказалось места этнониму “камчадал” как не входящему в перечень коренных народов, утвержденному еще в 1926 году. Тем камчадалам, которые хотели сохранить статус принадлежности к малочисленным северным народам и пользоваться предоставляемыми этой части населения льготами, пришлось выбирать между пред-

ложенными номинациями, обозначенными в перечне (в основном – ительмен). Находясь в ситуации выбора между двумя потенциально существующими оппозиционными идентичностями (русский или иная некоренная национальность / ительмен или иная коренная национальность), камчадалы однозначно делают выбор в пользу последней. В основе лежит принцип рациональности и логической пользы» [17: 282–283].

Правда, этническая принадлежность камчадалов, в отличие от тех же ижорцев и водь, упоминание о которых исчезло на десятилетия, все же была представлена в официальных документах. По расчетам Л. Н. Хаховской, произведенным на основании опроса жителей Северо-Эвенского района, число камчадалов, имевших личные документы с реальной этнической принадлежностью, в 1960–1980-е годы по Магаданской области составляло немногим более 10 % [16: 61].

Неучет камчадалов как представителей коренных малочисленных народов Севера, имевший следствием непредоставление льгот, положенных согласно законодательству (в частности, квоты на вылов рыбы), сыграл негативную роль в этнической идентичности и, как следствие, практическом применении этнонима в устной и письменной речи. Поскольку льготы имели важное значение, особенно для обитателей отдаленных поселков, представители малочисленных народов стремились быть включенными в соответствующий перечень, что естественно. На середину 1980-х годов камчадалы большей частью официально числились русскими. Желание сохранить юридический статус представителей коренного малочисленного народа способствовало смене этнической принадлежности: камчадалы стали записываться эвенями, ительменами, коряками. Регионализм *камчадал* оказался под угрозой исчезновения.

Поскольку ительмены исторически назывались камчадалами, многие современные камчадалы записывались именно ительменами – кто добровольно, желая сохранить льготы, положенные народам, включенным в перечень, а кого-то в ительмены записывали власти, не спрашивая согласия (правда, такое происходило большей частью в середине века, когда камчадалы перестали учитываться и нужно было переменить «неправильно» указанную национальность). Именно это, по мнению автора, объясняет, почему Всероссийские переписи 2002 и 2010 годов фиксируют ительменов в восточной части Магаданской области, а также в Ольском районе. Это вчерашние камчадалы, в предках имеющие скорее эвенов и коряков, но в силу политических и экономических превратностей указанные в официальных документах ительменами.

Г. Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» отметил важную деталь:

«Но “народ” в психологическом смысле есть исторически текущая форма, и если бы на наших глазах эта форма перелилась в новые формы – скажем, современные

народы разделились бы на классы, которые, переливаясь из народа в народ, создали бы новые, еще не виданные коллективы, — мы были бы только последовательны, если бы признали, что *народились новые народы*» [20: 371–372].

Философ приводит удачный гипотетический пример зарождения народов, хорошей иллюстрацией которого служат камчадалы.

Следует заметить, что ныне камчадалы находятся в относительной безопасности по части сохранения себя как самобытной этнической общности. С 2000 года камчадалы включены в перечень малочисленных народов, в связи с чем нет нужды принимать другую идентичность (хотя бы по форме) ради сохранения или получения льгот. Статьи «Словаря современного русского литературного языка» и других указанных выше лексикографических работ, описывающие лексему *камчадал*, не могут быть признаны полными относительно современных реалий: исторически камчадалами назывались ительмены, ныне это отдельный малочисленный народ Севера.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ КАМЧАДАЛ

Словарь Г. В. Зотова дает следующее пояснение лексеме *камчадал*:

«Название местного русского жителя на Крайнем Северо-Востоке, ведущего свое происхождение от смешения русского казачества с коренным населением» [4: 209].

Слово в слово данное определение повторено в кратком словаре Ю. А. Резвухиной [11: 13]. По мнению автора, определение, предложенное Г. В. Зотовым, в большей степени подходит для описания камчадалов Магаданской области, поскольку исследователь не был на Камчатке и не подверг изучению значение лексемы *камчадал* на полуострове. При этом, как представляется, правильнее было бы в определении слово «русского» заменить на «русскоязычного».

Следует отметить, что лексема *камчадал* не ограничивается этнонимическим значением. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера для слова *камчадал* указано значение «ученик, сидящий на заднем ряду» и добавлено: «От *камчадал* “житель Камчатки”»²⁰. «Словарь современного русского литературного языка» во втором определении слова *камчадалы* (первое — этнонимическое) приводит похожее значение: «Шутливое название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах», — и указывает на устарелость и просторечный характер слова²¹ (том вышел в 1956 году). Действительно, про учеников и студентов на задних партах говорят, что они сидят на *галёрке* или на *камчатке* (значительно реже с прописной буквы — на *Камчатке*), поскольку полуостров находится далеко от центра России: как последняя парта или стол — от доски или кафедры. В таком случае ироничное значение слова *камчатка* оправданно, оно приводится в современном «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика²². По-

жалуй, в словарной статье словаря М. Фасмера не хватает только единственного уточнения, что камчадал — житель Камчатки в этнонимическом смысле, то есть представитель народа, живущего на полуострове, а не камчатец; у читателя может невольно возникнуть мысль, что термин *камчадал* ошибочно употреблен в качестве катойконима. Более точное, не омонимичное с этнонимом обозначение сидящего на последней парте (на камчатке) дается Д. Н. Ушаковым — *камчатник*²³. Однако неэтнонимическое значение лексемы носит производный характер.

Камчадал — название народа, происходящего от смешения русских с туземцами, в силу малочисленности которого этноним имеет хождение на ограниченной территории — преимущественно на Северо-Востоке. Исторически — в XVIII веке — *камчадал* и *ительмен* были абсолютными синонимами, ныне каждая лексема имеет свое значение и обозначает разные этнические группы. Следует отметить необходимость давать возможность жителям Северо-Востока России — представителям малочисленных народов самостоятельно выбирать и указывать свою идентичность, дабы избежать в будущем повторения ошибок вроде записи камчадалов ительменами, что выглядит особенно нелепо на территории Магаданской области, где последние в значительном количестве никогда не проживали.

Сегодня существует три этнонимических значения лексемы *камчадал*:

- 1) тождественное лексеме *ительмен*; носит исторический характер, поскольку в прошлом коренной народ Камчатки называли в том числе камчадалами;
- 2) народ, проживающий на Камчатке, образованный путем смешения русских первопроходцев с местными народами — преимущественно ительменами, в меньшей степени — коряками;
- 3) народ, проживающий в Магаданской области, ведущий свое происхождение от смешения русских первопроходцев с местными народами — эвенями, коряками, в меньшей степени ительменами и якутами.

При этом следует отметить значительное сходство между вторым и третьим значениями. Различие обуславливается в большей степени этническим субстратом камчадалов разных регионов. Вполне возможно, что в будущем — по мере усиления объединительных процессов внутри этноса, существующего недолго по историческим меркам, — исчезнут различия между камчадалами Камчатки и Магаданской области. Наиболее полным, соединяющим вторые два значения лексемы (что, по мнению автора, вполне уместно уже сейчас), было бы следующее определение:

Камчадалы — народ, живущий на Крайнем Северо-Востоке (или просто — Северо-Востоке) России, преимущественно на Камчатском полуострове и северной части побережья Охотского моря, ведущий свое происхождение от смешения русского казачества и служилых людей с коренным (или местным) населением, преимущественно ительменами и коряками, в меньшей степени — эвенями и юкагирами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этноним *камчадал* представлен в научной и художественной литературе, но в устной речи тех, кто не имеет постоянных или спорадических контактов с камчадалами (что обычно происходит чаще всего в месте проживания народа), встреча-

ется редко. В силу этого слово *камчадал* следует признать регионализмом. Поскольку термин широко употребляется на Северо-Востоке, он относится к северо-восточному региональному варианту русского языка, в который входят этнонимы и других малочисленных северных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: В 2 т. Т. 2. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. С. 5.
- ² Форма *однимъ* для женского рода (вместо *однѣмъ*) дана Крашенинниковым; такой орфографический вариант был вполне допустим для XVIII века.
- ³ В оригинале – *Коочъ-ай*. Очевидно, это опечатка, так как в других местах везде пишется *Коочъ-ай*.
- ⁴ Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 9.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Возможно, удвоение *n* – ложное сближение с немецким существительным *Mann*.
- ⁷ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: В 4 ч. Ч. 3. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799. С. 56.
- ⁸ Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 3.
- ⁹ Подгурский Б. К. (Б. Горовский). Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка: Путевые очерки. СПб.: Издание Б. А. Суворина, 1914. С. 73.
- ¹⁰ Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. С. 13.
- ¹¹ Там же. С. 27.
- ¹² Гондатти Н. Л. Оседлое население реки Анадыря // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. III. Вып. I. Хабаровск: Типолитография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 111–165.
- ¹³ До того Камчатская область существовала в 1803–1822 и 1849–1856 годах.
- ¹⁴ До продажи Аляски в 1867 году креолами называли потомков русских и индейцев или русских и алеутов, живших на территории, управляемой Российско-Американской компанией.
- ¹⁵ Дитмар К. В. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. С. 423.
- ¹⁶ Бацевич С. Л. Два года в местечке Гижига Камчатской области // Известия Общества горных инженеров. 1913. № 3. С. 22.
- ¹⁷ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Стб. 739, 594.
- ¹⁸ Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. М.: Русский язык, 1983. С. 25.
- ¹⁹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. С. 413.
- ²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Изд. 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986. С. 176.
- ²¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. Стб. 739.
- ²² Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-бытовой речи: В 2 т. Т. 1. А–Н. СПб.: Златоуст, 2017. С. 340.
- ²³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В IV т. Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. Стб. 1300.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурьякин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 224 с.
2. Глущенко О. А. К проблеме этничности камчадалов-ительменов // Русское слово: литературный язык и народные говоры: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. С. 107–113.
3. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1966. 269 с.
4. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2010. 540 с.
5. История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. 208 с.
6. Леонтьев В. В. Из истории происхождения названия «Камчатка» // Краеведческие записки. Вып. 14. Магадан, 1986. С. 192–199.
7. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г. А. Меновщиков. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 456 с.
8. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX века). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 192 с.
9. Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 168 с.
10. Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
11. Резвухина Ю. А. Колымские регионализмы переходной эпохи. (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века). Магадан: СВГУ, 2014. 40 с.
12. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.
13. Сирина А. А. Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е. А. Пивнева, Д. А. Функ. М.: Наука, 2005. С. 85–107.
14. Стеллер Г.-В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.
15. Туголуков В. А. Народ один – названий много // Советская этнография. 1970. № 5. Сентябрь – Октябрь. С. 132–137.
16. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.

17. Хаховская Л. Н. Социальная организация и этническая идентичность камчадалов Охотского побережья // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. / Отв. ред. Н. П. Макаров. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 277–283.
18. Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
19. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.
20. Шпет Г. Г. Психология социального бытия / Под ред. Т. Д. Марцинковской; Вступ. ст. Т. Д. Марцинковской. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.

Поступила в редакцию 18.02.2019

Mikhail S. Teikin, Postgraduate Student, North-Eastern State University
(Magadan, Russian Federation)

ETHNONYM *KAMCHADAL* IN THE LINGUISTIC SPACE OF RUSSIAN NORTH-EAST

The ethnonym *Kamchadal* in its contemporary sense denotes a so-called “new” people, the early history of which covers only the beginning of the XVIII century. The Kamchadals appeared as a result of the intermixture between Russian pioneers in Kamchatka and its local dwellers: the Itelmens, Koryaks, and Evens. In earlier ages, the Itelmens, ancient residents of the peninsula, were referred to as the Kamchadals; these two terms were absolute synonyms in Russian language at that time. The intensification of russification processes among some of the population in the North-East resulted in the formation of specific groups of people that differed from “pure” aborigines, thus entailing an objective necessity to distinguish between the ethnonyms. As an outcome, the name *Itelmens* was retained for those who did not give up Itelmen language and culture, while Russian-speaking dwellers, including those who lived outside the Kamchatka Peninsula, adopted the name *Kamchadals*. The article deals with the procedure of the change in the meaning of the ethnonym *Kamchadal*, its place in written and oral speech in the North-East of Russia in the XX century and nowadays, as well as with its difference from the demonym. The author also gives the most probable etymological versions of the word’s origin existing nowadays. This article regards the ethnonym *Kamchadal* as a regionalism, because it has wide circulation in the Kamchadals’ places of residence, but beyond the Far East it is of little notice.

Keywords: Kamchadal, Itelmen, ethnonym, demonym, regionalism (linguistics), North-East of Russia, Kamchatka

Cite this article as: Teikin M. S. Ethnonym *Kamchadal* in the linguistic space of Russian North-East. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 104–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.394

REFERENCES

1. Burykin A. A. Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studying of the region. Essays on toponyms and ethnonyms of Eastern Siberia. St. Petersburg, 2006. 224 p. (In Russ.)
2. Glushchenko O. A. The problem of Kamchadal-Itelmen ethnicity. *Russian word: literary and vernacular languages: Proceedings of scientific conference dedicated to 100th birthday anniversary of Doctor of Philology, Professor G. G. Melnichenko*. (T. K. Khovrina, Ed.). Yaroslavl, 2008. P. 107–113. (In Russ.)
3. Gurvich I. S. Ethnical history of the North-East of Siberia. (B. O. Dolgikh, Ed.). Moscow, 1966. 269 p. (In Russ.)
4. Zotov G. V. Dictionary of regional lexicon in the Far North-East of Russia. Magadan, 2010. 540 p. (In Russ.)
5. History and culture of the Itelmens: Historical and ethnographical studies. (A. I. Krushanov, Ed.). Leningrad, 1990. 208 p. (In Russ.)
6. Leontyev V. V. The history of Kamchatka name origin. *Regional History Records*. Issue 14. Magadan, 1986. P. 192–199. (In Russ.)
7. Leontyev V. V., Novikova K. A. Toponymical dictionary of the North-East of the USSR. (G. A. Menovshchikov, Ed.). Magadan, 1989. 456 p. (In Russ.)
8. Ogryzko I. I. Essays on the history of convergence between Kamchatka indigenous and Russian population (late XVII – early XX centuries). Leningrad, 1973. 192 p. (In Russ.)
9. Orlova E. P. The Itelmens. Historical and ethnographical study. St. Petersburg, 1999. 168 p. (In Russ.)
10. Popova U. G. The Evens of the Magadan region. Essays on history, household and culture of the Evens on the coast of the Sea of Okhotsk in 1917–1977. Moscow, 1981. 304 p. (In Russ.)
11. Rezvukhina Yu. A. Kolyma regionalisms of the transitional era. (Concise dictionary of Kolyma regional lexicon of the 1920s). Magadan, 2014. 40 p. (In Russ.)
12. Rezvukhina Yu. A. Regionalism: the definition of the term. *Interexpo Geo-Siberia*. 2015. Vol. 6. No 2. P. 84–90. (In Russ.)
13. Sirina A. A. Who are the Kamchadals and why are you one of them? State policy and problems of ethnical identity formation of the Kamchadals in the Magadan region. *In search of self: Peoples of the North and Siberia during post-Soviet transformations*. (E. A. Pivneva, D. A. Funk, Ed.). Moscow, 2005. P. 85–107. (In Russ.)
14. Steller G. -W. Depiction of Kamchatka land. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1999. 288 p. (In Russ.)
15. Tugolukov V. A. One people – different names. *Soviet Ethnography*. 1970. No 5. P. 132–137. (In Russ.)
16. Khakhovskaya L. N. The Kamchadals in the Magadan region (their history, cultural traditions and identification). Magadan, 2003. 325 p. (In Russ.)
17. Khakhovskaya L. N. Social organisation and ethnic identity of the Kamchadals on the coast of the Sea of Okhotsk. *Ethnoses of Siberia. Past. Present. Future: Proceedings of the international research-to-practice conference*. In 2 parts. (N. P. Makarov, Ed.). Krasnoyarsk, 2004. P. 277–283. (In Russ.)
18. Khakhovskaya L. N. Indigenous peoples in the territory of the Magadan region in the XX and the early XXI centuries. Magadan, 2008. 229 p. (In Russ.)
19. Khakhovskaya L. N. Ethnonymic processes of the aborigines of the North-East of Russia (case study of the Evens and Kamchadals). *Russia and the Pacific*. 2018. No 4. P. 25–36. (In Russ.)
20. Spet G. G. Psychology of social being. (T. D. Martsinkovskaya, Ed., Foreword). Moscow, Voronezh, 1996. 492 p. (In Russ.)

Received: 18 February, 2019